

А. С. СТЕПАНОВ

**ТРУД ДУКИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ
БЕРКЛИДЖИ МУСТАФЫ НАЧАЛА XV в.**

Важнейшим источником для изучения истории восстания Берклиджи Мустафы, происходившего в начале XV в. в западной части Малой Азии, является сочинение византийского историка XV в. Дуки — „Византийская история“.

В 21-й главе этого сочинения содержится довольно подробный рассказ о восстании¹. Придававший, повидимому, важное значение восстанию Берклиджи Мустафы для судеб Византийской империи, Дука, собирая материал для своего сочинения, предпринял специальное путешествие на остров Хиос (первоначальный очаг восстания — гора Стилариий в области Смирны — был расположен как раз напротив острова) для опроса участников восстания. Дука рассказывает, что во время этой поездки он побывал в монастыре Турлоти, в котором проживал некий монах, участник восстания, друг и единомышленник дервиша Берклиджи².

„Византийская история“ Дуки, несмотря на тенденциозность автора, позволяет восстановить в общих чертах события этого весьма значительного по своему размаху крестьянско-сектантского восстания, которое охватило всю Ионию и Лидию, продолжалось более двух лет и для подавления которого потребовалась мобилизация почти всех воинских сил турецкой империи Мехмета I (1413—1421).

Когда же происходило восстание Берклиджи Мустафы?

К сожалению, Дука не указывает хронологии восстания; однако мы можем установить ее довольно точно косвенным путем, сопоставляя данные о событиях, излагаемых историком в 19-й и 20-й главах своего сочинения, с данными относительно событий, передаваемых им в 21-й главе.

Летом 1413 г. погибает „в каком-то болоте“ сын султана Баязита Илдирима-Мозэ³; брат его — Мехмет становится единодержавным властителем государства. В конце 1414 г. он организует поход в Малую Азию. В следующем году Мехмет отстраивает в Бруссе сожженный Караманом дворец, берет Смирну, подчиняет соседние сельджукские

¹ Duc'a e Historia Byzantina. Цит. по изд. Migne. Patrologia graeca, t. CLVII, col. 889—893.

² Ibid., col. 893.

³ Migne. Patr. gr., t. CLVII, col. 872. В. Примерно так же рассказывает об этом Франдзи в своем Chronicon Majus (цит. по изд. Migne. Patr. gr., t. CLVI, col. 709), по которому мы даем транскрипцию имен Мозэ и Мехмета.

эмираты, захватывает в плен ионийского владетеля Джинейта¹ и на его место ставит правителем Ионии (область Смирны и Эфеса) некоего Келпаксиса, болгарина-рenegата, сына Александра Шишмана. Таким образом, в течение 1415 г. вся передняя Малая Азия (включая сюда же сельджукские эмираты Ментэше и Кармианский) снова была присоединена к Османской державе. В том же году византийский император Мануил II (1391—1425), пользуясь временной дружбой с Мехметом, предпринял последнюю византийскую завоевательную экспедицию. В марте 1415 г.² византийский флот из многочисленных трирем направляется в Пелопоннес, и Мануил II подчиняет наваррскую Ахайю, т. е. западную часть Морей³. В марте следующего 1416 г.⁴ император Мануил и султан Мехмет, возвратившиеся из походов (один — из Пелопоннеса, другой — из Малой Азии), встречаются в Галлиполи и пируют на царской триреме⁵. После этого Мануил отбывает в Константинополь, а Мехмет задерживается на некоторое время в Галлиполи, чтобы снарядить здесь значительный (в 30 трирем и бирем) флот против Кикладских островов (по существу — против Венеции) под командой некоего Чалис-бека⁶.

Итак, в марте 1416 г. султана Мехмета уже не было в Ионии. К этому времени как раз и относится начало восстания Берклиджи Мустафы⁷.

К сожалению, Дука не вскрывает причин этого восстания, — о них можно лишь догадываться. Не исключено, что одной из важнейших причин восстания явилось увеличение налогов и крестьянских повинностей, имевшее место после утверждения Мехмета в Малой Азии, в частности, — в Ионии. Рост налогового бремени в значительной мере вызывался фискальными нуждами турецкого государства, — завоевания требовали больших денежных средств. Из некоторых замечаний Дуки (в 25-й и 27-й главах) мы можем заключить о быстром возрастании турецких налогов: если в 1415 г. арендатор Фокейских квасцовых рудников, генуэзец Иоанн Адурно, должен был за право аренды платить Мехмету 2000 золотых номисм в год⁸, в 1421 г. вместо 14000 он должен был уплатить уже 27000⁹. Это значит, что в течение семи лет налоги за аренду рудников возросли вдвое. Мы располагаем также чрезвычайно важными данными о сумме дани, взимаемой турками с пяти вассальных христианских государств — Сербии, Пелопоннеса, Хиоса, Лесбоса и Трапезунта. После отъезда Мехмета II из Константинополя, взятого турецкими войсками, — в Адрианополь, эта дань составляла, по известиям Дуки, приблизительно 41000 золотых но-

¹ Это турецкое имя дается в транскрипции Дуки, сар. 18, col. 852, С.: „Τζινεΐτ“. Лаоник Халкокондил передает это имя в IV и V книгах „De rebus turcicis“ как „Ζουινεΐτς“. Применяясь, очевидно, к Лаонику и игнорируя его „puncta diaeresis“, читает это имя Ф. И. Успенский: „Джунейд“ („История Византийской империи“, т. III., М., 1948, стр. 765).

² Migne. Patr. gr., t. CLVI, col. 725.

³ Дука рассказывает об этом следующее: „Царь же Мануил, вышедши с весьма многочисленными триремами из Константинополя, спустился до Пелопоннеса и, подчинив (себе) князя Ахайи и сделав (себе) подвластными других потомков, ведущих свой род из Наварры, отбыл в Константинополь, оставив сына своего, Феодора, деспотом всего Пелопоннеса“ (Migne. Patr. gr., t. CLVII, сар. 20, col. 877. С.).

⁴ Ibid., t. CLVI, col. 725.

⁵ Ibid., t. CLVII, сар. 20, col. 877. С—880.

⁶ Ibid., сар. 21, col. 885.

⁷ Имя Берклиджи Мустафы даем в транскрипции Дуки, сар. 21, col. 892.

⁸ Migne. Patr. gr., t. CLVII, сар. 25, col. 949. С.

⁹ Ibid., сар. 27, col. 965. В.

мисм¹; поскольку паритет номисмы составляет 5 руб. 52 коп. золотом, надо считать, что названные государства должны были ежегодно вносить в казну султана 226 тысяч 320 рублей золотом. Конечно, это была по тем временам колоссальная сумма, и выплачивать ее должно было крестьянство. Нам неизвестна численность населения Сербии к 1453 г.; мы не можем, следовательно, определить долю раскладки турецкой дани на каждого сербского крестьянина. Но в 23-й главе своей „Истории“ Дука рисует страшную картину бедствий населения Балканского полуострова в период турецкого завоевания. Он рассказывает, что вследствие массового увода турками в плен христианского населения, „вся Фракия до (самой) Далмации стала пустынной“². Из сообщения Дуки видно, что доля раскладки турецкой дани, падавшая на каждого сербского крестьянина, должна была быть громадной.

Что касается турецкого крестьянства, то оно так же жестоко страдало от непосильного налогового бремени: известно, что спустя 150 лет после восстания Берклиджи Мустафы, — в 1566 г., когда появился сборник законов султана Сулеймана II, турецкие крестьяне кроме общих государственных налогов должны были платить различные феодальные повинности и налоги — за недвижимость, за пастбище, за воду, налоги за безбрачие, курение табаку и пр. Но и в начале XV в. положение турецкого крестьянства было крайне тяжелым.

Какова была программа восстания, каков был его ход? Дука сообщает, что вождь восставших, простой и необразованный турецкий дервиш, Берклиджи Мустафа, „кроме жен, провозгласил все общим: и пищу, и одежду, и запряжки, и пашни“³. „Я в твой дом, — говорил он, — как (в) мой, ты же в мой, как (в) твой, — кроме женской (его) части“⁴. Такова была программа, которая в 1416—1418 гг. привлекла к Берклиджи Мустафе „всех крестьян“⁵ Ионии и Лидии (не говоря уже о дервишах). Эта программа носила ярко выраженный антифеодальный характер: острием своим она была направлена против турецких феодалов и, повидимому, зажиточной верхушки турецкого крестьянства. Главными требованиями программы, выдвинутой Берклиджи Мустафой, являлось создание общности имуществ, общей собственности на землю и орудия производства, — иными словами — уничтожение социального неравенства. Что касается хода восстания, то на основании известий Дуки, он может быть представлен следующим образом. Центром восстания, как уже говорилось, была гора Стиларий. Здесь же, в теснинах этой горы, жил и Берклиджи. Латинский переводчик и комментатор Дуки — Буллиальд определяет в одном из своих примечаний местоположение горы Стиларий со всей точностью: изучая топографию труда Дуки, летом 1647 г. Буллиальд специально посетил Смирну и ее окрестности. Район Стилария находился, по исчислению Буллиальда, в 10 английских милях к востоку от Хиоса, в 40 от Смирны и в 20 от Старой Фокеи⁶.

Дука не указывает, в какие конкретные формы вылилось восстание Берклиджи Мустафы. Но надо полагать, что оно представляло собой

¹ Ibid., cap. 42, col. 1128. С. Д. Дука не определяет точно дань Трапезунта, но можно полагать, что она равнялась примерно дани деспотов Пелопоннеса (территория того и другого государства была приблизительно одинаковой).

² Migne. Patr. gr., t. CLVII, cap. 23, col. 920.

³ Ibid., cap. 21, col. 889.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. См. примечание Буллиальда к col. 889.

грозную опасность для турецкого феодального государства: в противном случае султану Мехмету незачем было бы мобилизовывать против Берклиджи почти все воинские силы империи.

Наш источник передает одну любопытную деталь относительно восставших крестьян: их легко можно было узнать по внешнему виду, потому что, рассказывает Дука, „люди Берклиджи Мустафы“ дали зарок: „ни в коем случае не надевать на голову войлока, который (они) называют заркуланом, но проводить жизнь в одном хитоне, с непокрытой (головой) и без сандалий“¹. Хитон делался обычно из того же войлока и являлся их единственной одеждой, — поэтому Дука называет участников восстания „однохитонными“². К середине 1416 г. в теснинах Стилария собралось свыше 6000 „однохитонников“³.

Повидимому, Берклиджи хорошо понимал, что уничтожить турецких феодалов силами одного только ионийско-лидийского турецкого крестьянства, к тому же плохо вооруженного, и дервишей невозможно. Видимо, этим объясняется его стремление привлечь на свою сторону христиан: в свое учение об общности имуществ Берклиджи вводит дополнительный пункт: „Кто из турок сказал бы, что христиане не чтут бога, нечестивец тот“⁴. В связи с подобной политикой вождя восстания находится известие Дуки о том, что последователи Берклиджи при встречах с христианами „принимали и чествовали их, как ангелов божиих“⁵. Идея союза с христианами могла возникнуть у Берклиджи и под впечатлением событий, происходивших в 1417 г. в Галлиполи. Дело в том, что весной этого года весь турецкий флот Чалисбека (мы упоминали о нем выше), возвратившийся из похода на Киклады и стоявший в Галлиполи, был полностью уничтожен незначительным (в составе всего лишь 7 вымпелов) венецианским морским отрядом: при этом три турецкие триремы были потоплены, 27 взято в плен, а сам Чалисбек изрублен⁶. Этот факт в свою очередь навел Берклиджи Мустафу на мысль о том, что „невозможно иначе спастись всем, если не в единомыслии с верой христиан“⁷, и что нужно „присоединиться больше к христианам, чем к туркам“⁸. „Придя к этому заключению, Берклиджи, повидимому, с весны 1417 г. начал отправлять, как рассказывает Дука, „ежедневные“ посольства на Хиос, к византийско-генуэзской знати и „к избранным лицам церковного клира“⁹, т. е. к высшему византийско-латинскому духовенству. Целью этих посольств были, очевидно, поиски союза и помощи. Однако посольства Берклиджи на Хиос к византийско-генуэзским феодалам, как и следовало ожидать, не нашли отклика: учение Берклиджи Мустафы об общности имуществ в такой же степени было опасным для европейских феодалов, как и для турецких, а уступки в вопросах вероисповедания, на которые пошел вождь восставших, не могли, конечно, в глазах этой знати иметь сколько-нибудь существенного значения по сравнению с совершенно неприемлемой для феодалов социально-политической доктриной Берклиджи. Характерно, что автор „Византийской

¹ Migne. Patr. gr., t. CLVII, cap. 21, col. 892; ср. col. 889.

² Ibid., col. 889. С.

³ Ibid., col. 892. А.

⁴ Ibid., col. 889. В.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid., col. 888.

⁷ Ibid., col. 889.

⁸ Ibid., col. 892.

⁹ Ibid., col. 889. В

истории“, представитель высшей византийской знати, эмигрант и династ Дука настойчиво называет учение Берклиджи „фантазией“¹.

Только низшее греческое духовенство, непосредственно связанное с народными массами, откликнулось на призыв Берклиджи и стало на его сторону. К числу примкнувших к Берклиджи принадлежал, в частности, один из старцев-отшельников греческого хиосского монастыря Турлотй, к которому Берклиджи специально послал своих однохитонников, говоря: „и я такой же подвижник, как и ты, и богу, которому ты служишь, тому и я приношу поклонение“² и т. д. Из сообщений Дуки видно, что этот старец из Турлоти развернул своеобразную агитацию в пользу Берклиджи среди крестьян Хиоса. Чтобы склонить их на сторону восставших, он через монахов распространил по Хиосу слух, что Берклиджи — не дервиш и не турок, а христианский монах с острова Самоса, и что когда-то, много лет назад, в одном из монастырей Самоса он подвизался вместе со старцем из монастыря Турлоти: даже и теперь, мол, по ночам „неслышную стопою“ Берклиджи, как по суше, переходит море, приходит в Турлоти и беседует со старцем³.

Дука, однако, не указывает, какие практические результаты имела эта агитация в пользу Берклиджи, ведшаяся на Хиосе из монастыря Турлоти.

Итак, в 1416—1418 гг. восстание Берклиджи охватило всю Ионию и Лидию, и турецкое правительство должно было принять меры к его ликвидации. Не учитывая сил Берклиджи, Мехмет первоначально послал против него местное областное ополчение ионийского санджака во главе с правителем Смирны Келпаксисом, или Шишманом⁴. Однако в непроходимых теснинах Стилария Шишман был окружен восставшими и убит, а его войска отчасти рассеялись, отчасти были перебиты. „Люди (же) Берклиджи, — говорит Дука, — укрепившись в своей надежде на него, воспели его (в гимнах) выше пророка“⁵. Повидимому, эти события происходили в середине 1417 г. Через несколько месяцев (вероятно, в конце 1417 г.) на подавление восстания Берклиджи Мехметом были двинуты уцелевшие резервы войск ионийского санджака и все войска лидийского санджака (во главе с лидийским правителем Али-беком). Однако крестьяне Берклиджи Мустафы в тех же теснинах Стилария перебили и эти войска, а сам Али-бек с немногими уцелевшими едва спасся бегством в Магнезию на Герме, расположенную примерно в 5 географических милях к северо-востоку от Смирны⁶.

В начале 1418 г. для подавления восстания Берклиджи турецкая империя мобилизует почти все свои военные силы: отборные фракийские, свежие вифинские и фригийские войска и, наконец, новые наборы из Лидии и Ионии. Дука не определяет численности этих войск, ограничиваясь общим указанием, что это была „сила великая“⁷. Во главе карательной экспедиции Мехмет поставил своего искуснейшего полководца и вернейшего человека, великого визиря Баязита⁸, — родом

¹ Migne. Patr. gr., t. CLVII, cap. 21, col. 892. D., col. 893.

² Ibid., col. 889. C.

³ Ibid., col. 889. C.—892. A.

⁴ Ibid., col. 892; ср. col. 885.

⁵ Ibid., col. 892.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

албанца, связавшего свою судьбу с судьбой Мехмета с 1402 г.¹ Более того: считая, несомненно, подавление восстания делом чрезвычайной важности, султан послал с карательной экспедицией своего двенадцатилетнего наследника Мурата².

Военные действия против Берклиджи Мустафы Баязит начал с того, что „нещадно вырезал“ в Лидии и Ионии „всех, кто оказывал ему сопротивление“³. Но этим дело не ограничилось: Дука сообщает, что без всякого милосердия истреблялись даже старцы, женщины и дети⁴. Однохитонники отступили к ущельям Стилария; здесь они были окружены и после героической обороны сдались. Берклиджи Мустафа и его ближайшие ученики были схвачены, связаны, доставлены в Эфес и там подвергнуты пыткам. Турецкие фанатики не могли простить Берклиджи Мустафе его „единомыслия с верой христиан“: его распяли на кресте, прикрепили крест к верблюду и в таком виде торжественно возили по улицам города⁵. Всех последователей Берклиджи закололи на его глазах. „И не говорили они (при этом ничего) другого, — сообщает Дука, — кроме: „Тэтэ султан, эрис“, т. е. „Господине отче, ускорь“. И тогда охотно принимали смерть“⁶. Но на этом расправа с повстанцами не закончилась: на обратном пути в Галлиполи Баязит прошел всю Ионию и Лидию и вырезал всех дервишей⁷. Это произошло, повидимому, глубокой осенью 1418 г.

Память о героическом вожде восстания длительное время жила среди угнетенных масс Малой Азии. По словам Дуки, по деревням распространился слух, что Берклиджи не погиб, а спасся и живет в одном из монастырей на острове Самос⁸. Известно, что турецкие крестьяне долго ожидали своего вождя Мустафу.

Необходимо отметить в заключение, что, как мы видели, восстание Берклиджи Мустафы, это крупнейшее народное движение в феодальном турецком государстве, — описывается Дукой крайне тенденциозно. Не программа восставших крестьян интересовала Дуку в восстании Берклиджи: аристократ Дука считал ее „фантазией“ и к народным массам относился с презрением и ненавистью⁹. То обстоятельство, что крестьянское восстание Берклиджи в конечном счете ничего не дало турецкому крепостному крестьянству, динат Дука рассматривал как положительное явление. Для Дуки важно было другое — именно то, что, ослабив политическую мощь турецкой империи, восстание Берклиджи тем самым временно укрепило позиции одряхлевшей Византии, — укрепило настолько, что после смерти Мехмета, летом 1421 г., т. е. через какие-нибудь два с половиной года после восстания Берклиджи, Византия смогла поднять на восстание против Мурата II (1421—1451) его дядю Мустафу и феодала Джинейта, поставив Мурата в крайне затруднительное положение.

Таковы краткие, но важные сведения, которые содержатся в сочинении Дуки о крупном крестьянском восстании 1416—1418 гг. под руководством Берклиджи Мустафы.

¹ Migne. Patr. gr., t. CLII cap. 22, col. 905.

² Ibid., cap. 21, col. 892.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.,

⁷ Ibid., cap. 21, col. 893.

⁸ Ibid.

⁹ „Чернь, — говорит Дука, — грубая и враг прекрасного, корень высокомерия, ветвь тщеславия, цвет гордости, выжимки рода эллинов, истинное презрение...“ и т. д. (Ibid., cap. 36, col. 1061).